

ПРЕВЕНТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

PREVENTIVE PSYCHOLOGY AND DETERRENCE OF JUVENILE DELINQUENCY ABROAD: HISTORY AND MODERNITY

УДК 343.2/.7: 159.922.8

DOI: 10.15372/PEMW20170423

Н. Н. Савина

НОУ ВПО «Сибирский университет
потребительской кооперации», Новосибирск,
Российская Федерация, e-mail: nn_savina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних в разных странах на основе ретроспективного подхода. Особое внимание уделяется роли превентивной психологии в сдерживании роста правонарушений среди детей и подростков: психологическое вмешательство на ранних этапах профилактики девиантного и делинквентного поведения дает положительный результат. Изучение зарубежного опыта работы по профилактике преступности несовершеннолетних позволяет провести сравнительный анализ, увидеть недостатки отечественной системы профилактики, найти возможности использования зарубежных эффективных программ, реализовывать междисциплинарный подход к решению этой проблемы, привлекая специалистов разного профиля: юристов, психологов и педагогов. Анализ ряда исследований зарубежных авторов позволил сделать вывод об общности тенденций и проблем профилактики правонарушений несовершеннолетних и нахождению путей их решения.

Ключевые слова: правонарушения, несовершеннолетние, делинквентное поведение, неблагополучные семьи, школьная дезадаптация, программы профилактики, группы риска.

Для цитаты: Савина Н. Н. Превентивная психология и профилактика правонарушений несовершеннолетних за рубежом: история и современность // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 4. С. 1505–1515.
DOI: 10.15372/PEMW20170423

Savina, N.N.

Siberian University of Consumer Cooperation,
Novosibirsk, the Russian Federation,
e-mail: nn_savina@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of preventing juvenile delinquencies in different countries on the basis of a retrospective approach. Particular attention is paid to the role of preventive psychology in restraining the growth of offenses among children and adolescents: psychological intervention in the early stages of the prevention of deviant and delinquent behavior gives a positive result. The study of foreign experience in the work on the prevention of juvenile delinquency allows carrying out comparative analysis, see the shortcomings of the domestic prevention system, find opportunities to use foreign effective programs, and implement an interdisciplinary approach to solving this problem with the help of psychologists and educators. Based on the analysis of a number of studies by foreign authors, it is possible to conclude that there are common tendencies and problems in preventing juvenile delinquency and finding ways to solve them.

Key words: crime, adolescents, delinquent behavior, dysfunctional families, maladjustment in school, crime prevention programs, risk groups.

For quote: Savina, N.N. [Preventive psychology and deterrence of juvenile delinquency abroad: history and modernity]. *Professional education in the modern world*, 2017, vol. 7, no 4. pp. 1505–1515 (in Russ).
DOI: 10.15372/PEMW20170423

Введение. Превентивная психология – сравнительно молодая отрасль прикладной психологии, призванная решать собственные специфические задачи по предупреждению и коррекции отклоняющегося поведения детей и подростков, включая правонарушающее, то есть делинквентное поведение. Делинквентом во всем мировом сообществе называют несовершеннолетнего,

совершившего действие, которое было бы признано криминальным (преступным), если бы его совершил взрослый человек. Возрастные пределы делинквентности колеблются от 14 до 18 лет в зависимости от законов конкретной страны.

Проблемы борьбы с правонарушениями несовершеннолетних всегда отличались особой остротой и актуальностью как в нашей стране, так и за рубежом. Это объясняется прежде всего высокой активностью подростков. Необходимо отметить, что преступность среди несовершеннолетних составляет основу для воспроизводства всей преступности. Свой первый опыт преступного поведения взрослые преступники получают в детстве и юности. Как показывают криминологические исследования, свыше половины профессиональных преступников совершили первое правонарушение в возрасте 12–16 лет. Поэтому становится абсолютно очевидным, что превентивная работа по предотвращению преступности среди несовершеннолетних приведет к сдерживанию и сокращению преступности в целом. Профилактика преступлений стала сегодня главным, приоритетным направлением деятельности государственных структур и общественных институтов по борьбе с преступностью во всем мире. Научные учреждения проявляют неослабевающий интерес к проблемам предупреждения преступлений и правонарушений несовершеннолетних. Современные психолого-правовые исследования показывают, что семь из десяти преступлений могут быть предотвращены при действенной профилактической работе. Различные аспекты девиантного поведения, в том числе преступного и делинквентного, несовершеннолетних рассматривается в работах социологов, криминологов, психологов, педагогов, специалистов других отраслей научного знания, поскольку эти проблемы нельзя решить в рамках какой-либо одной дисциплины. Вклад в решение этой проблемы превентивной психологии трудно переоценить. Изучение зарубежного опыта работы психологов в рамках государственных программ и проектов по профилактике преступного поведения несовершеннолетних позволяет провести сравнительный анализ, увидеть недостатки отечественной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Постановка задачи. Главной целью статьи является описание применения психологических принципов и методов в работе по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей в разных странах мира, по использованию возможностей превентивной психологии. Основной вектор изучения исследований зарубежных ученых в области профилактики правонарушений несовершеннолетних состоит в выявлении тенденций развития системы профилактики преступности несовершеннолетних в развитых странах Европы и Америки на основе ретроспективного подхода, поиске возможности, реальных путей применения эффективных зарубежных пропедевтических программ междисциплинарного характера в современной России.

Методология и методика исследования. Методологической основу исследования составили философские идеи гуманизма, положение о биосоциальной сущности человека, его социализации и адаптации; системный и аксиологический подходы к анализу психолого-педагогических и социально-правовых явлений. Ведущими методами исследования являются сравнительный анализ психологической, юридической, педагогической литературы с использованием герменевтико-интерпретационного и ретроспективного подходов; сравнительный и наукометрический анализ (сравнение, сопоставление, обобщение) фактов, идей, теорий.

Информационная база исследования – зарубежные научные публикации и монографии по проблемам профилактики преступности несовершеннолетних, законодательные акты и нормативные документы.

Результаты. История развития зарубежной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних начинается с 1846 г., когда в Массачусетсе был открыт первый реформаторий для малолетних правонарушителей, а в Великобритании в 1854 г. принят Закон об исправительных школах для несовершеннолетних преступников (Reformatory Schools Act).

С конца XIX в. в большинстве стран действуют отдельные системы правосудия: по уголовным делам и делам несовершеннолетних. Правосудие по делам несовершеннолетних опиралось на предположение о том, малолетние правонарушители – это психически неуравновешенные дети, нуждающиеся во вмешательстве, таком как испытательный срок, с целью устранения и коррекции расстройства. Рассматривая дела несовершеннолетних, суды исходили из того, что сообщество принимает на себя ответственность за их опеку (*parens patriae*). Специалисты в области теории конфликтов считают, что отдельная система борьбы с антисоциальным поведением молодежи

появилась как средство защиты власти и привилегий средних классов индустриального общества. С другой стороны, А. Байндер предполагает, что эта система была создана из гуманистических соображений, поскольку изменились представления о детстве и юности [1]. Таким образом, цель суда по делам несовершеннолетних – решить, каким образом можно помочь ребенку или перевоспитать его. В 1960-е гг. и в США, и в Великобритании предпринимаются попытки свести к минимуму юридическое вмешательство посредством использования таких мер, как постановка на учет малолетних правонарушителей в полиции или направление их на перевоспитание по общественным программам без суда. Такое направление развития наиболее заметно в Шотландии, где после доклада Килбрандона в 1964 г. правосудие по делам несовершеннолетних было декриминализировано и суды для несовершеннолетних заменены системой менее формального разбирательства на так называемую систему слушания по делам детей («children's hearings»), исключая тяжкие преступления. Это давало педагогам и психологам возможность решить, как поступить, чтобы в наибольшей мере соблюсти интересы ребенка: оправдать его, поставить под надзор социальных служб или поместить в специальное учреждение.

В этой связи очень интересен опыт поиска новых методов воспитания правосознания у детей подростков в зарубежных странах.

Одним из первых крупномасштабных проектов было исследование подростков из неблагополучных семей в Кембридже-Соммервилле. Оно было начато в 1930-е гг. под влиянием преобладавших тогда идей психодинамической теории [2]. На основе утверждения о том, что большинство несовершеннолетних преступников происходят из неблагополучных семей и страдает от недостатка теплых чувств, была определена цель проекта – дать детям эмоциональную поддержку, дружбу и руководство за пределами семьи. Были определены выборка и место исследования: бедный криминальный район Массачусетса и 650 мальчиков 12 лет и младше. Все мальчики были поделены на пары по возрасту, интеллекту и характеристикам семьи и случайным образом определены в экспериментальную и контрольную группы. К каждому ребенку в экспериментальной группе был прикреплен консультант, который пытался установить с ним близкие отношения и по мере возможности помочь его семье, посещая его дома, на улице или встречаясь с ним в исследовательском центре. Консультантам помогала группа психологов и врачей, именно они направляли мальчиков и членов их семей к специалистам, когда считали это целесообразным. Консультанты оказывали помощь в школе с учебой, в свободное время организовывали занятия в клубах по месту жительства, в каникулы определяли на отдых в загородные лагеря. В рамках проекта семьи получали помощь при заболеваниях и потере работы. Вмешательство включало в среднем два посещения в месяц и продолжалось в среднем 5,5 лет, то есть оно закончилось, когда мальчикам было 17–18 лет. В 1942 г. экспериментальную группу сравнили с контрольной: по окончании вмешательства различий в уровне преступности между экспериментальной и контрольной группой выявлено не было.

Второе обследование в рамках этого проекта было проведено спустя 30 лет, когда испытуемым было в среднем 47–48 лет. По данным судебных протоколов, прослеженным до 1975–1976 гг., достоверных различий в уровне преступности между экспериментальной и контрольной группой не выявлено. У членов экспериментальной группы достоверно чаще, чем контрольной, наблюдались серьезные психические расстройства, заболевания, вызванные стрессом, и алкоголизм. Неблагоприятный исход (осуждение за преступление, смерть до 35 лет, психиатрические диагнозы «алкоголизм», «шизофрения» или «маниакально-депрессивный психоз») был выявлен у 37% обследуемых, причем в экспериментальной группе достоверно чаще, чем в контрольной. Таким образом, результаты воздействия были неблагоприятные (они были опубликованы в 1978 г.). Исследователи потерпели поражение, поскольку учитывали только психологические факторы, связанные с эмоциональной депривацией, и не брали во внимание другие криминогенные детерминанты.

Огромный интерес вызывает Монреальское продолжительное широкомасштабное экспериментальное исследование, охватившее 53 начальных школы города [2]. Работа основывалась на результатах длительных исследований, показавших стабильность агрессивного поведения и то, что мальчики, происходящие из низших слоев общества и отличающиеся в младших классах деструктивным поведением, имеют высокий риск совершения правонарушений в подростковом и взрослом возрасте. В целом подростковую преступность лучше всего предсказывали два факто-

ра: родительское воспитание и деструктивное поведение ребенка. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. было доказано, что некоторое влияние на снижение агрессивности мальчиков оказывало обучение родителей нормам поведения и общения с детьми. Это значительно изменяло обстановку в доме, способствовало получению социальных навыков детьми, что положительно влияло на их поведение в школьной среде.

Всем преподавателям 53 начальных школ Монреаля, расположенных в малообеспеченных районах, предложили оценить деструктивное поведение учеников мужского пола. В результате учителями было проведено оценивание более тысячи мальчиков – 1161 человек; примерно 30% наиболее деструктивных мальчиков были случайным образом распределены в три группы: экспериментальную – 46 человек, контрольную с наблюдением – 84 человека и контрольную без наблюдения – 42 человека. Вмешательство продолжалось два года.

Психологи проекта посещали родителей на дому с целью обучения примерно раз в три недели (в среднем 17 посещений за два года). Программа обучения родителей была взята в Орегонском центре социального обучения и включала шесть разделов: 1) дать родителям программу для чтения по вопросам воспитания детей; 2) научить наблюдать за поведением своего сына; 3) научить подкреплять положительное поведение своего ребенка; 4) научить эффективно наказывать ребенка, не обижая его; 5) научить справляться с семейными кризисами; 6) научить анализировать и обобщать то, что они узнали. В рамках проекта была реализована программа обучения самих мальчиков в стенах школы.

Мальчиков-правонарушителей включали в небольшие группы детей с примерным поведением и проводили групповые встречи (9 раз на первом году и 10 – на втором). Первый курс был направлен на обучение социально одобряемым навыкам, а второй – на самоконтроль. В процессе работы использовались тренинги, положительный пример сверстников, самоинструктирование, выработка поведенческих навыков и последовательное подкрепление.

Все дети (1161 мальчик) в возрасте от 10 до 15 лет ежегодно проходили оценивание. Учительские оценки деструктивного поведения в экспериментальной группе были ниже, чем в контрольной, когда детям было от 10 до 13 лет, но в 14 лет этот эффект утратился. Приспособленность к школе (пребывание в соответствующем возрасту классе) в экспериментальной группе была лучше, чем в контрольной до 12 лет, в 13 лет различий не отмечено. Мальчики из экспериментальной группы от 10 до 15 лет отмечали у себя значительно меньше правонарушений, чем мальчики из контрольной группы, в то же время по судебным протоколам различий в подростковой преступности в возрасте от 12 до 14 лет между группами не было (правда, правонарушения зарегистрированы всего лишь у 8%). В целом установлено положительное влияние воздействия на социальное развитие, но не в самых крайних случаях. Таким образом, можно сказать, что обучение родителей основам педагогики и одновременное обучение детей нормам социально приемлемого поведения дает положительный результат до вступления в пору ранней юности, когда влияние референтной группы становится более значимым, чем влияние родителей, учителей и других взрослых.

Эффективным оказался проект Л. Брая. Его целями было формирование просоциального поведения, повышение успеваемости и в целом снижение подростковой преступности в США [3]. В основе концепции проекта лежало предположение о том, что проблемному поведению подростков предшествует чувство некомпетентности и циничное отношение к внешнему миру. Вмешательство проверяло теорию А. Бандуры о том, что изменения в поведении опосредуются изменениями в познании. В данном проекте выдвигалась гипотеза: если подросткам дать понять, что их цели могут быть достигнуты в результате их собственной деятельности, то у них возрастет чувство компетентности и уменьшится цинизм.

Психологическое вмешательство проводили в двух школах: одна была расположена в бедном городском районе, другая – в пригороде, где жили выходцы из среднего класса. Детей отбирали для участия в проекте в том случае, если у них отмечались «низкая мотивация к обучению, неуважение правил и чувство оторванности от семьи». В итоге 80 детей 12–15 лет равномерно (попарно в каждом классе) распределили в контрольную и экспериментальную группы.

Вмешательство продолжалось два года: в 7-м и 8-м классах – и было основано на еженедельных групповых собраниях и системе поощрений. Затем 66 детей обследовали на протяжении пяти лет. Психологи, осуществлявшие вмешательство, еженедельно встречались с учителями для проверки

успеваемости и поведения детей. Затем они обсуждали с детьми в небольших группах их поведение и успеваемость, которые были отмечены в дневнике каждого ребенка. За хорошие оценки детей хвалили, а плохие обсуждали, выясняя, каким образом ученик может улучшить мнение учителя о себе. В процессе работы дети получали баллы за хорошее поведение и хорошие оценки, определенная сумма баллов давала право на поездку со школой на отдых или экскурсию. Сотрудники, осуществлявшие вмешательство, контактировали с родителями, сообщая им об успехах ребенка. Это была кропотливая индивидуальная работа. Через пять лет после окончания проекта проверяли данные о детях в районных отделах полиции.

По школьным данным, через год после двухгодичного вмешательства у детей из экспериментальной группы было значительно меньше серьезных проблем со школой. Собеседование показало, что в экспериментальной группе значительно больше детей работали, меньше детей употребляли наркотики и совершали противоправные действия. Через пять лет после окончания проекта, когда средний возраст детей составил 19,5 лет, обследование показало, что мальчики из экспериментальной группы демонстрировали более низкий уровень хронической преступности по сравнению с контрольной группой – 9% против 27% [3].

Известный проект «Хороший поступок в результате целостного образования» (Gottfredson, 1992) – это попытка изменить школьную обстановку для детей из группы высокого риска (цит. по: [2]). Предполагалось, что социальные связи могут снизить вовлеченность в преступные действия. Эти связи включали привязанность к законопослушным друзьям (из числа работников школы) и приверженность одобряемым обществом целям таким, как школьные успехи.

Проект осуществляли в 1980–1983 гг. в семи средних школах для детей от 11 до 17 лет в Чарльстоне (Южная Каролина, США). Программа состояла из пяти частей: 1) образование команды из числа сотрудников школы, учеников, родителей и общественных деятелей, контролирующей политику школы и ее устройство и осуществляющих перемены в школе; 2) изменения, направленные на повышение успеваемости всех учеников; 3) изменения, направленные на улучшение обстановки в школе; 4) программы подготовки учеников к профессиональной деятельности; 5) специальные учебные и иные службы для неблагополучных учеников.

Школьников высокого риска выявляли по данным успеваемости и поведения и по направлениям учителей (примерно 10% всех учащихся школы). Их разделили на экспериментальную (468 учеников) и контрольную (401 ученик) группы случайным образом. Программа состояла из выявления нужд каждого ученика, поиска соответствующих служб для оказания помощи и наблюдения за прогрессом. Каждый ребенок из экспериментальной группы был направлен к специалисту (опытный учитель, советник или завуч), которому предоставили информацию о школьном опыте ученика.

Специалист встречался с ребенком, а при необходимости и с его родителями, и учителями для того, чтобы установить требования к поведению, для выполнения которых разрабатывали программу, включающую индивидуальные консультации, школьное кураторство, консультации сверстников, ученические команды с лидером, поездки за город и клубы. Специалист рекомендовал учителям стратегию обучения данного ребенка и направлял семьи в районные службы. Воздействие продолжалось два года.

Изменения в управлении школой привели к снижению беспорядков и возрастанию социальных связей во всей школе. За один год общий уровень преступности в экспериментальных школах достоверно снизился. Однако, по данным самоотчетов подростков и полиции, достоверных различий между экспериментальной и контрольной группами в конце двухгодичного вмешательства не было. Это означает, что хотя изменения в школе снизили противоправное поведение в целом, специальные службы для неблагополучных учеников не повлияли на их правонарушения и социальные связи. Тем не менее неблагополучные дети в экспериментальной группе значительно превосходили детей из контрольной группы по успеваемости. Таким образом, результаты не подтвердили теорию о причинной связи между преступностью и социальными связями в школе, по крайней мере, у неблагополучных детей.

Неменьший интерес у практиков и ученых вызвала программа Престона и Карнеги в Бирмингеме (Великобритания) [4]. Она предоставляла возможности для работы с делинквентами в их естественном окружении. В программе применялись жетонная система, индивидуальная постановка целей и заключение контрактов, что давало возможность развить трудовые навыки тем

делинквентам, которые заканчивали школу. Последующее наблюдение показало, что спустя год большая часть группы имела работу и лишь несколько человек совершили повторное преступление.

Во многих зарубежных программах используется жетонная система, предложенная основоположником теории оперантного научения (Operant conditioning) американским ученым Б. Ф. Скиннером [5]. Вместо аверсивного (неприятного, болевого, карательного) контроля поведения Скиннер рекомендовал позитивное подкрепление как наиболее эффективный метод устранения нежелательного поведения. Он доказывал, что, поскольку позитивные подкрепляющие стимулы не дают негативных побочных эффектов, связанных с аверсивными стимулами, они более пригодны для формирования человека. Для поощрения различной желаемой деятельности вводится жетонная система. Жетон – это просто символический заменитель, который делает доступным некоторое количество желаемых вещей (предметов или действий), вроде пластиковой карточки или оценки. Таким образом, индивиды могут быть награждены за участие в такой позитивной деятельности, как уборка, завершение рабочего задания или проявление инициативы, участие в художественной самодеятельности, прикладном творчестве и т.д. В некоторых программах подростки могут лишаться жетонов за негативное поведение, такое как провоцирование драк, эксцентричные действия или уклонение от обязанностей. Жетонную систему использовали, чтобы устранить страх, гиперактивность, агрессивное поведение у детей и подростков [6].

Большинство программ, рассчитанных на подростков, уже совершивших преступление, имело эффективность, но она не превышала 47%, то есть у 47 подростков из 100 не было рецидива. Большая часть подростков совершала повторные преступления. Поэтому были созданы программы, ориентированные на детей более раннего возраста, еще не совершивших правонарушений. Западная система предупреждения делинквентного и криминального поведения подростков включает три этапа: этап первичной профилактики, этап вторичной профилактики и этап третичной профилактики. Последняя направлена на ресоциализацию бывших преступников. Вторичная профилактика представляет собой замену уголовной ответственности альтернативными видами исправительного воздействия с целью остановить развитие преступности путем минимизации юридического вмешательства. Первичная профилактика адресована детям и подросткам группы риска, которые не совершили правонарушений, но в силу ряда причин могут их совершить. Первичная профилактика ориентирована на специфические факторы, причины, условия, недостатки, личностные конструкты, которые в большей мере коррелируют с делинквентностью в этой возрастной группе.

По данным американских исследователей, ранняя профилактика (для детей дошкольного возраста из семей высокого риска) дает лучший и более стойкий результат. Дошкольный проект Перри (Perry Preschool Project), разработанный в Мичигане в начале 1960-х гг., имел последствие в течение 19 лет [1]. В проекте принимало участие 123 чернокожих ребенка в возрасте от 3 до 4 лет с низким уровнем IQ (коэффициента умственного развития), происходящими из семей с низким социальным статусом и высоким уровнем риска асоциального поведения. Все дети случайным образом были поделены на две группы: экспериментальную и контрольную. Дети экспериментальной группы занимались по специальной программе подготовки дошкольников, которая включала ежедневные занятия и встречи с семьей в домашней обстановке, что позволяло контролировать и саму семью. Цель проекта состояла в содействии умственному развитию, развитию мотивации к учебе, научению просоциального поведения и коррекции внутрисемейных отношений. Хотя рост IQ носил временный характер, члены группы дошкольного обучения впоследствии лучше учились, большее их число в сравнении с контрольной группой поступило в высшие учебные заведения, они заняли более престижные должности и реже подвергались аресту – 31% против 51%.

Программы, охватывающие все общество, такие как различные кампании, инициированные средствами массовой информации, телефонные «горячие линии», сети социальной поддержки, реального эффекта не имели. Эффективными оказались программы, в которых участвуют специально обученные парапрофессионалы. Такие программы предупреждения делинквентного поведения получили название «триадической модели», в которой осуществляется опосредованное влияние на делинквента через обученного должным образом посредника, который манипулирует условиями положительного подкрепления просоциального поведения подростка. К программе под руководством Д. Фо и Х. О'Доннел были привлечены добровольцы для роли «приятелей» делинквентов [7]. Специалисты-психологи обучили их позитивно влиять на формирование просоциального поведения

у подростков-правонарушителей, получилась некая триада: психолог – волонтер – делинквент. После каждого общения с подростком волонтер обсуждал свои действия с психологом и планировал следующую встречу. Были отобраны две группы делинквентов: контрольная и экспериментальная. Количество арестов оценивалось в течение года. Из тех, кто ранее совершил серьезное преступление, были повторно арестованы за аналогичное преступление 38%. Из тех, кто был в контрольной группе и не участвовал в программе, были арестованы 64%. Триадаическая модель профилактики наиболее эффективна для probation (условное наказание). Обучение сотрудников службы probation методам положительного влияния и подкрепления конкретных видов поведения повышает эффективность профилактической работы.

Повсеместно в США, Великобритании, Канаде, ряде стран Европы в целях профилактики используется заключение контрактов (социальных договоров), которые регулируют обмен подкрепляющими стимулами между двумя и более сторонами и устанавливают четкие нормы взаимодействия на стадии предделинквентного поведения. Это могут быть контракты между родителем и ребенком, учителем и ребенком.

Витерс и Либерман предприняли попытку обучить 28 семей делинквентов заключению контрактов и коммуникационным навыкам и получили следующий результат: в 22 семьях обучение оказало значительное влияние на изменение поведение делинквентов в лучшую сторону (см.: [8]). Однако заключение контрактов наиболее эффективно, если они включены в многокомпонентную программу профилактики. Такой способ предотвращения делинквентности совершенно не дает результатов, если родители утратили функции контроля над ребенком, а также если учитель не пользуется авторитетом у подростка.

В настоящее время существует обширная литература по ТРТ-тренингу родительской тактики, нацеленному на совершенствование приемов воспитания детей в семье [6]. Отталкиваясь от того, что принуждающие слова (действия) формируют антисоциальное поведение у детей с проблемами поведения. Согласно некоторым исследованиям, в семьях делинквентов чаще всего прибегают к применению силы/власти как способу добиться от ребенка соблюдения норм и правил поведения. А. Бандура и Уолтерс установили, что родители делинквентных подростков чаще использовали насмешки и физическое наказание, тогда как родители неделинквентов больше полагались на индукцию и лишение ласки [9]. Матери, дети которых уже в младшем школьном возрасте страдали расстройствами поведения, также обнаруживали тенденцию значительно чаще реагировать как на девиантные, так и на недевиантные образцы поведения своего ребенка в императивной (приказной) и критической формах, чем другие матери [10]. Р. Паттерсон пришел к выводу, что родительская агрессия в отношении ребенка является значимым предвестником совершения в последующем преступлений против личности, но не против собственности. Он подчеркивает, что именно применение суровых, но непоследовательных наказаний, а не сами по себе наказания отличает девиантные семьи. Р. Паттерсон делает упор на практическом обучении родителей различать девиантное поведение и дифференцированно вознаграждать недевиантное поведение. Он добивается этого, теоретически обучая родителей принципам социального научения, практически обучая их (посредством моделирования и ролевых игр) быть модификаторами поведения и тренируя их использовать такие приемы, как тайм-аут и заключение контрактов. Исследования результатов ТРТ показали, что уровни девиантного поведения детей снижались до попадания в диапазон нормы и сохранялись, по данным последующего наблюдения, в течение года. Подход Р. Паттерсона нацелен на снижение принуждающего поведения и оказывает влияние на снижение антисоциальной активности делинквентов [10].

Для делинквентов характерны эгоцентрический уровень когнитивного развития, дефицит эмпатии, низкий уровень морального развития, отсутствие перспективы развития. М. Чандлер предложил обучение делинквентов по принятию перспективы, привлекая к съемке видеофильмов, в которых все участники исполняли роли согласно сценарию [11]. Члены таких ролевых групп впоследствии демонстрировали значимое уменьшение эгоцентричности по сравнению с делинквентами из контрольной плацебо-группы, которая просто делала фильмы, и с делинквентами из необучаемой контрольной группы. По результатам 18-месячного последующего наблюдения, уровень преступности в экспериментальной группе снизился примерно в половину в сравнении с предыдущим периодом, тогда как у двух контрольных групп этот уровень остался неизменным.

Несмотря на общую практику разыгрывания ролей в поведенческих программах, достаточно мало публикаций о таком его применении.

Особого внимания в США заслуживает программа повышения осведомленности малолетних правонарушителей о последствиях преступлений, преследовавшая цель устрашения, «кратковременного шока». Участники программы коротко знакомят делинквентов с негативными аспектами заключения, устраивая для них посещение тюрем и конфронтационные встречи с заключенными. При организации посещений пенитенциарных учреждений предполагалось, что подобный опыт «отпугнет» делинквентов. Теоретическое обоснование подобных мероприятий является крайне слабым, поскольку они делают упор в первую очередь на суровость наказания, а не на его обязательность и неотвратимость.

Наибольшее распространение в США получила программа Big Brothers Big Sisters of America (BBBSA). Штаб-квартира программы находится в Филадельфии штата Пенсильвания и насчитывает 400 агентств по всей стране, охватывает 250000 детей с делинквентным поведением. BBBSA – это программа наставничества, которая основывается на деятельности волонтеров (в возрасте от 25 до 49 лет) и является ярким примером индивидуальной профилактики правонарушающего поведения. Волонтеров называют «большой брат» или «большая сестра» по отношению к ребенку, которого называют «маленький брат» или «маленькая сестра». Профессиональный сотрудник от агентства выбирает по принципу психологической совместимости взрослого волонтера-наставника и ребенка с риском преступного поведения, а затем контролирует, направляет, анализирует взаимоотношения наставника и ребенка, общаясь с волонтером, родителями, опекуном и самим ребенком. Главной целью является развитие отношений, которые взаимно удовлетворяют друг друга, когда обе стороны свободно собираются на регулярной основе, примерно пять часов в неделю. Задачи могут относиться к посещаемости школы, академической успеваемости, отношениям с одноклассниками и с родителями, поведенческим дефектам и т.п. Цели и задачи определяют индивидуальный план развития ребенка, который обновляется сотрудниками BBBSA по мере достижения прогресса. Эта программа наставничества рассчитана на 12–18 месяцев и предназначена для детей и подростков в возрасте от 6 до 18 лет, которым не оказывается надлежащего воспитания со стороны семьи и которые находятся в группе риска формирования делинквентного поведения. В этих отношениях ребенок получает понимание, поддержку, заботу, внимание, защиту и видит пример позитивного поведения и отношения к социуму. Большинство агентств обслуживает детей из неблагополучных семей и семей, в которых переживается какой-то кризис, стресс, болезнь одного из родителей, нищета или другие обстоятельства, когда оба родителя испытывают трудности в обеспечении постоянного воспитания и поддержки ребенка. BBBSA регулярно оценивает эффективность программы наставничества. В 2012 г. были получены следующие результаты: в сравнении с контрольной группой употребление наркотиков снизилось на 46%; употребление алкоголя – на 27%; участие в драках – на 30%; на 15% повысилась академическая успеваемость, а также качественно улучшились отношения с родителями (опекунами) и одноклассниками и учителями.

Существует достаточно большая часть молодежи и подростков с историей агрессивного и антиобщественного поведения. Специально для них в США в Национальном институте юстиции создана программа Aggression Replacement Training® (ART®), которая концентрируется на развитии индивидуальных компетенций с целью решения различных эмоциональных и социальных проблем, которые могли бы вызвать агрессивное поведение молодежи. Основная цель – уменьшить агрессию и насилие среди подростков и молодежи на основе изучения и формирования навыков просоциального поведения. ART® состоит из 10-недельного 30-часового вмешательства, которое вводится группам от 8 до 12 подростков три раза в неделю. Программа состоит из трех взаимосвязанных компонентов, которые объединяются для содействия всеобъемлющей учебной программе по сокращению агрессии: структурированное обучение, обучение управлению гневом и моральное рассуждение. Каждый компонент фокусируется на конкретной просоциальной поведенческой технике: действии, аффективном/эмоциональном или мыслительном отношении. По результатам исследования, проведенном Институтом государственной политики штата Вашингтон (2004), в 21 суде после 18-месячного вмешательства по программе ART® уровень рецидива преступности среди молодежи и подростков был равен 19% по сравнению с 25% для контрольной группы. Это стати-

стически значимое сокращение рецидива тяжких преступлений среди подростков и молодежи, участвовавших в программе ART® по сравнению с теми, кто не участвовал в программе.

Одной из наиболее популярных форм предотвращения преступлений, распространенной в США и странах Западной Европы, является neighborhood watch (контролирование окрестностей силами местных жителей). Местные жители при поддержке полиции организуют патрулирование окрестностей, охрану домов, оказывают взаимную помощь. Их деятельность способствует уменьшению возможностей для преступной активности и усилению неформального социального контроля. Они могут выступать и как группа давления на полицию, если та попустительствует совершению преступлений, например, не борется с наркоторговцами и проституцией или не оказывает должного воздействия на родителей за ненадлежащее воспитание детей. Такие группы в США существуют уже более 50 лет и корнями уходят в социальные политические традиции коллективной самопомощи. Для них характерна повышенная бдительность, хорошее знание местных условий, традиций и людей. Большое значение они имеют в плане предотвращения подростковых правонарушений. Такие группы самопомощи эффективны как в плане снижения количества преступлений, так и уменьшения страха перед ними у местного населения.

Во Франции ежегодно проводятся операции под названием «Лето-молодежь» по организации досуга молодежи, остающейся на каникулы в городе. Ни для кого не секрет, что подростковая преступность в летний период значительно возрастает. Чтобы снизить уровень правонарушений, создаются городские лагеря, в которых инструкторами работают сотрудники корпуса республиканской безопасности, прошедшие специальную педагогическую и психологическую подготовку. Систематическое проведение летних операций позволило снизить уровень преступлений, в основе которых лежит хулиганство, озорство, бравада.

Западные ученые Р. Эндрюс, В. Бонта, Т. Ходж осуществили анализ существующих программ по предотвращению рецидива несовершеннолетних [12]. Оказалось, что эффективность профилактических программ составляет 50%, и это можно расценивать как немалый успех. Однако проблема в том, что просоциальное поведение подростка после окончания программы «держится» не более 2 лет. Значит, программы должны носить не характер кампании, а характер постоянного влияния при условии изменения способов и форм воздействия.

Выводы. На основании проведенного анализа исследований и практики зарубежного опыта предупреждения и коррекции делинквентного и криминального поведения подростков можно сделать некоторые выводы об очевидных направлениях этой деятельности.

Первое направление – привлечение специалистов в области превентивной психологии. Именно превентивные меры, применяемые за рубежом на индивидуальном уровне, показали свою высокую результативность. Причем, следует отметить, что только совместно с психологами возможна разработка индивидуальной программы развития личности несовершеннолетнего, находящегося в группе риска формирования криминального поведения.

Второе направление – привлечение общественности к профилактической работе. Например, популярное в США и других Западных странах контролирование окрестностей силами местных жителей – neighbourhood watch [13]. Местные жители патрулируют окрестности, беседуют с девиантными подростками и их родителями, могут оказывать давление на полицию, если та попустительствует совершению преступлений.

Третье направление – обучение семейному воспитанию родителей. Родителями становятся по факту, никто не готовит родителей к каждодневной работе с собственными детьми. Подавляющее большинство родителей воспитывают детей по сценарию своих родителей, не владея знаниями и навыками семейной педагогики. Очень часто семья становится криминогенным фактором нарушения социализации подростка, фактором риска развития делинквентного или криминального поведения детей.

Четвертое направление – ранняя профилактика в школе на стадии предделинквентного поведения. Существует прочная связь между недостатками в системе функционирования школы и преступностью несовершеннолетних. Именно из среды неуспевающих детей и подростков выходят лица, вначале совершающие правонарушения, а затем преступления. В результате фрустрации основной социально-позитивной деятельности – учебной (учебно-трудовой) – образуется своеобразный «вакуум» социальной активности, который заполняется «трудными подростками» пустым

и бездумным времяпрепровождением в уличных компаниях. В итоге по механизму регрессии они фокусируются на примитивных формах проведения досуга: курении, распитии алкогольных напитков, употреблении наркотиков, карточных играх, низкопробной субкультуре. На этом этапе «трудные» становятся правонарушителями, а затем и преступниками.

Таким образом, методы «негативного стимулирования» со стороны педагогов и родителей, стигматизация разрушают процесс социализации «трудных» подростков в школе, вызывают состояние глубокой фрустрации вследствие невозможности удовлетворить базовые потребности в общении с одноклассниками, в завоевании личного и социального статуса. В результате школа становится криминогенным фактором для проблемного подростка, поскольку «никто не может жить в обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения тех, с кем он общается. Это бремя слишком тяжело для человеческого терпения» (цит. по: [8]). Компенсация эмоциональной депривации происходит за счет самоутверждения в досуговых товарищеских группах среди таких же деморализованных подростков.

Пятое направление – наличие образца конвенционального поведения – это формирование личности по психологическим механизмам подражания и идентификации. Отсутствие в реальной жизни подростка человека, являющего собой образец, достойный подражания, приводит к поиску такового на экране в боевиках со сценами насилия. Длительные демонстрации по телевидению сцен насилия увеличивают агрессивные тенденции в поведении подростков, формируют неправильное представление о герое. Поэтому реальный человек – наставник, вызывающий уважение у подростка и способный его понимать, – может изменить представление подростка о нормах человеческого общежития.

Более того, абсолютная феминизация школы (подавляющее большинство учителей – женщины; выдвижение на все ответственные посты школьного самоуправления девочек) не дает возможности подростку найти образец позитивного мужского поведения в ближайшем окружении. Отсутствие примера конвенционального поведения среди сверстников в школе приводит к обретению друзей на улице с рискованными формами поведения.

В последние годы рост агрессии, правонарушений, преступности среди несовершеннолетних регистрируется во всем мире. Поэтому использование зарубежной практики предупреждения преступности среди несовершеннолетних, координация усилий в этом направлении отечественных и зарубежных ученых, обмен опытом психологов и практических работников позволят изменить сложившуюся ситуацию в стране и мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Binder A.** Juvenile delinquency // Annual Review of Psychology. 1988. Vol. 39. P. 253–282.
2. **Tremblay R. E. and Craig W. M.** Developmental Crime Prevention and Justice // An Annual Review of Reseach. 1995. Vol. 19. P. 151–236.
3. **Bry L.** The new project // American Psychologist. 1982. Vol. 18.
4. **Blackburn R.** The Psychology of criminal conduct. New York: John Wiley & sons Ltd., 2002.
5. **Skinner B. F.** A matter of consequences. New York: Knopf, 1983.
6. **Webster-Stratton C., Reid M. J.** The Incredible Years parents, teachers and children training series: a multifaceted treatment approach with conduct problems // Kazdin A. E. (ed). Evidence-based psychotherapies for children and adolescents. New York: Guilford, 2003.
7. **Fo D., O'Donnell H.** Criminal behavior. Chichester: John Wiley, 1975. P. 114–119.
8. **Furnham A., Heaven P.** Personality and social behavior. London: Arnold, 1984. 368 p.
9. **Bandura A.** Social-learning theory. New York: Prentice-Hall, 1977. 247 p.
10. **Brier N., Patterson R.** Predicting antisocial behavior in youngsters displaying poor academic achievement: A review of risk factors // Developmental and Behavioral Pediatrics. 1995. Vol. 16. P. 271–276.
11. **Chandler M.** A longitudinal analysis social-learning programs. New York, 1983.
12. **Bonta W, Andrews R. & Hoge T.** The Psychology Antisocial Behavior // Criminal justice and behavior. 1990. Vol 17. P. 19–52.
13. **Heaven P.** Personality and self-reported delinquency: a longitudinal analysis // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1996. Vol. 37, issue 6. P. 748–748.

REFERENCES

1. **Binder A.** Juvenile delinquency. *Annual Review of Psychology*, 1988, vol. 39, pp. 253–282.
2. **Tremblay R. E. and Craig W. M.** Developmental Crime Prevention and Justice. *An Annual Review of Research*, 1995, vol. 19, pp. 151–236.
3. **Bry L.** The new project. *American Psychologist*. 1982. Vol. 18.
4. **Blackburn R.** The Psychology of criminal conduct. New York: John Wiley & sons Ltd., 2002.
5. **Skinner B. F.** A matter of consequences. New York: Knopf, 1983.
6. **Webster-Stratton C., Reid M. J.** The Incredible Years parents, teachers and children training series: a multifaceted treatment approach with conduct problems. Kazdin A. E. (ed). Evidence-based psychotherapies for children and adolescents. New York: Guilford, 2003.
7. **Fo D., O'Donnell H.** Criminal behavior. Chichester: John Wiley, 1975, pp. 114–119.
8. **Furnham A., Heaven P.** Personality and social behavior. London: Arnold, 1984, 368 pp.
9. **Bandura A.** Social-learning theory. New York: Prentice-Hall, 1977, 247 pp.
10. **Brier N., Patterson R.** Predicting antisocial behavior in youngsters displaying poor academic achievement: A review of risk factors. *Developmental and Behavioral Pediatrics*. 1995, vol. 16, pp. 271–276.
11. **Chandler M.** A longitudinal analysis social-learning programs. New York, 1983.
12. **Bonta W, Andrews R. & Hoge T.** The Psychology Antisocial Behavior. *Criminal justice and behavior*, 1990, pp. 19–52.
13. **Heaven P.** Personality and self-reported delinquency: a longitudinal analysis. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 1996, vol. 37, issue 6, pp. 748–748.

Информация об авторе

Савина Надежда Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики, НОУ ВПО «Сибирский университет потребительской кооперации» (6300087, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, 26, Российская Федерация, e-mail: nn_savina@mail.ru).

Принята редакцией: 28.09.2017

Information about the author

Nadezhda N. Savina – Doctor of Pedagogical Sc., Professor, the Head of the Chair of Criminal Law, Process and Criminalistics at Siberian University of Consumer Cooperation, (26 Karl Marx Avenue, 630087 Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: nn_savina@mail.ru).

Received September 28, 2017